

«Секретные мемуары» Ш. Массона как образец «литературы анекдотов» о России

А. Р. ОЩЕПКОВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А. С. ПУШКИНА)*

В статье анализируются принципы и приемы создания образа России во французской «литературе анекдотов», главным образом на материале «Секретных мемуаров» Ш. Массона, выявляя основные элементы того «мифа» о России, который создается «литературой анекдотов». Ключевые слова: «литература анекдотов», просветительский универсализм, «история королей», образ Другого, нравственно-психологический портрет, классическая историография.

«Secret Memoirs» by Ch. Masson as an Example of the «Literature of Anecdotes» on Russia

A. R. OSHCHPKOV

(THE PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article analyses the principles and methods for formation of the image of Russia in the French «literature of anecdotes», mostly on the basis of «Secret Memoirs» by Ch. Masson. The author discovers the main elements of the Russian «myth», which is being created by the «literature of anecdotes». Keywords: «literature of anecdotes», educational universalism, «history of kings», image of the Other, moral and psychological portrait, classic historiography.

Эпоха Просвещения сформировала два подхода к России во Франции и два различных образа России во французской литературе. Один подход условно можно было бы назвать оптимистическим (Вольтер), а второй — скептическим (Ж. Ж. Руссо). Вольтер видел в России образец просвещенной монархии, страну, вставшую на путь приобщения к ценностям и достижениям западноевропейской цивилизации, что должно привести ее к прогрессу и процветанию. Для Ж. Ж. Руссо Россия — страна без истории, без прошлого, изнасилованная поспешными, непродуманными и противоречащими духу народа петровскими реформами, а потому и без будущего¹.

Вышеописанные различные трактовки прошлого и будущего России не мешали существованию некой общности во взглядах французских (да и европейских) просветителей на Россию. Для них Россия — это почти исключительно российское государство и его политическая роль в Европе. Отсюда, как отмечает французский исследователь

Альбер Лортолари, отождествление России с ее правителями — главным образом Петром I и Екатериной Великой (Lortholary, 1951: 269).

Иллюстрацией такого «персонализированного» взгляда на Россию стали «Секретные мемуары о России, и главным образом о конце царствования Екатерины II и правлении Павла I» (1800) Шарля Франсуа-Филибера Массона (1762–1807). Книга Массона продолжает традицию «литературы анекдотов», представленную в просветительской литературе, и в частности в «Истории и анекдотах о революции в России 1762 года» (1797) французского дипломата, историка и литератора Клода-Карломана де Рюльера, которая оказала в XIX столетии значительное влияние на французскую «литературу анекдотов» о России. Под «литературой анекдотов» о России подразумевается такое литературное произведение, в котором создается анекдотический образ русских правителей и всей русской политической элиты. К «литературе анекдотов» относятся книги, в которых не

* Ощепков Алексей Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Тел.: +7 (495) 335-07-33. Эл. адрес: ale78487000@yandex.ru

только используется прием исторического анекдота для иллюстрации суждений, но в которых Россия еще не является объектом серьезного художественного анализа, а воспринимается как курьез, как что-то такое, что достойно насмешки и осуждения.

Книга Массона стала первой изданной в XIX в. книгой о России, основанной на живых, непосредственных наблюдениях и впечатлениях ее автора и оказавшей существенное влияние на последующие произведения о России в жанре путевых заметок и мемуаров. Конечно, по оригинальности суждений о России, широте взгляда Массон уступает своим великим предшественникам — Вольтеру, Дидро, Ж. Ж. Руссо, Монтескье, но в отличие от большинства из них этот скромный и почти забытый ныне французский литератор и военный не просто побывал в России, но прожил в нашей стране десять лет с 1786 по 1796 г. Прибыв в Петербург вслед за своим старшим братом Пьером-Андре Массоном, уже находившимся на службе в русской армии, Ш. Массон сделал вполне успешную карьеру: начав с должности учителя математики в кадетском училище, он стал впоследствии секретарем Н. И. Салтыкова, воспитателя великих князей Александра и Константина, был приближен ко двору, получил звание драгунского капитана. Однако за свои республиканские взгляды по распоряжению Павла I Массон был выслан из России. В 1799 г. он обосновался в Пруссии, где в 1800 г. и опубликовал свою книгу. В том же году она была издана в Париже. «Секретные мемуары» Массона имели успех, вскоре были переведены на английский и датский языки, неоднократно переиздавались во Франции (в 1802, 1804, 1859 гг.).

Первая часть книги, самая оригинальная, задающая модель «литературы анекдотов», — это серия медальонов, галерея нравственно-психологических портретов исторических персонажей, представителей русской политической элиты, и прежде всего двух российских императоров — Екатерины II и Павла I. В первом томе «Секретных мемуаров» из пяти разделов («тетрадей») один посвящен

Екатерине II, один — Павлу I и один — фаворитам Екатерины. В «Секретных мемуарах» Массон продолжает традицию жанра салонного психологического портрета², как она была представлена в творчестве мадемуазель де Монпансье, Антуана-Бодо де Соме-за, Лабрюйера и др. (Трыков, 1999: 30–55).

В предисловии к первому изданию «Секретных мемуаров» Массон говорит: «Моя цель — поделиться с публикой наиболее интересными наблюдениями и анекдотами (“des anecdotes”) о стране и народе, которые заслуживают того, чтобы больше узнать о них, как заслуживают они лучших правителей. Я хочу рассказать о своих наблюдениях над этой огромной империей философу и моралисту, поставив в центр моего рассказа двор, при котором я находился последние годы правления Екатерины II и в начале царствования ее сына. Я надеюсь оставить историку некоторые материалы о самом блестящем царствовании последних веков и о характере женщины, самой могущественной и самой знаменитой, которая когда-либо занимала трон со времен Семирамиды» (Masset, 1804: XXVI–XXVII).

В предисловии к изданию 1804 г. слышится более жесткая интонация, дается более резкая оценка российского государства и отчетливо проявляется просветительская ангажированность в отношении к Другому. Задача автора мемуаров о России кардинально меняется. «В тот самый момент, — пишет Массон, — когда Франция только что дала отпор неистовой злобе своих врагов, а также преступлениям своих защитников, в тот самый момент, когда принципы нравственного возрождения и политического совершенствования наконец одержали верх, важно показать, что деспотизм, окопавшийся на просторах Севера, окруживший себя различными средневековыми предрассудками (“de tous les préjugés gothiques”) и всякими религиозными глупостями, усиливается благодаря отжившим институтам, созданным еще во времена невежества и суеверий <...>. Противостоять унижению, нищете и безнравственности закабаленного и пока еще

варварского, но интересного своими качествами и своим характером народа, противостоять социальной анархии, в которой упрекают нацию, только что ее преодолевшую, показать произвол, противоречия и абсурдность самодержавной власти на фоне ошибок и отрицательных сторон республиканского правления значит внести свой вклад в то, чтобы замедлить распространение страшной реакции, только что о себе громко заявившей, и последствиями которой стало бы погружение Европы в варварство и рабство» (Masson, 1804: VI).

Столь радикальная перемена настроения французского мемуариста объясняется тем, что четыре года, прошедшие с момента выхода в свет первого издания, были отмечены важными и неблагоприятными сдвигами в российско-французских отношениях и выходом в свет книги немецкого писателя А. фон Коцебу «Достопамятный год моей жизни» (1801; франц. перевод 1802 г.)³.

Усиление массоновского критицизма стало реакцией на панегирическую по отношению к России и российскому императору книгу Коцебу. Массон оценил ее как произведение, распространяющее во Франции оскорбления и клевету, которые француз считает своим долгом опровергнуть (Masson, 1804: I). Ему не понравилось отношение Коцебу ни к Франции, ни к России: по мнению автора «Секретных мемуаров», на революционную Францию и ее правительство Коцебу клеветает, а самодержавной России льстит, как, впрочем, и все немецкие авторы, писавшие о России (Masson, 1804: XXXII).

В книге Массон демонстрирует близость к просветительской традиции и к классической историографии XVII–XVIII вв., которые проявляются в его понимании задач историографии. Он делил всех литераторов на три категории: журналисты, писатели и историки. В массоновской литературной иерархии высшая ступенька принадлежит историку, цель которого «заключается не в том, чтобы прославлять правителей, но в том, чтобы просвещать народы и наставлять власть имущих» (Masson, 1804: 101). Себя он,

с одной стороны, считает всего лишь писателем, задача которого подготовить правдивые, достоверные материалы для будущего историка. «Я надеюсь оставить историку некоторые материалы о самом блестящем царствовании последних веков...» — объясняет Массон в предисловии к первому изданию (Masson, 1804: XXVII). С другой — он берет на себя функции историка: судить, оценивать и просвещать. Литератор пишет: «...Я заявляю, что я рассматриваю нравы, поступки, репутацию любого публичного человека как нечто, подлежащее общественному суду. Какому другому трибуналу могут быть подсудны люди, занимающие высокое положение и не считающиеся ни с кем, кроме своего владыки <...>?» (Masson, 1804: XXXVI). Отсюда элементы памфлета в книге Массона, хотя сам он утверждал: «Я хочу написать полезные мемуары, не сатиру и не панегирик <...>» (Masson, 1804: XXVIII–XXIX).

Массон является продолжателем традиции классической историографии не только в том, что касается понимания ее задач, но и в трактовке категории «правдивости». Как писал Б. Г. Реизов, характеризуя особенности классической историографии, в ней «под любовью к истине разумеется не исследовательская страсть, а просто “просвещенная” точка зрения на деспотов и религию, под свободой — не объективность историка, а возможность беспрепятственно излагать свои политические и философские взгляды, не трепеща перед тираном» (Реизов, 1956: 12).

По мнению Массона, немцы писали о России льстиво, французы — поверхностно, а англичане фиксировали все, что оказывалось у них на пути. Он же претендует на глубину и правдивость. Но что писатель понимает под «правдивостью»? В этом отношении показательны его положительные оценки Левека и Шаппа д'Отроша (Masson, 1804: 99–100). Первый высоко оценен за то, что осмелился в своей «Истории России» сказать, что Екатерина была убийцей Петра III. Откровенно антироссийская книга Ж. Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь» (1768) была хорошо известна фран-

цузскому читателю на рубеже XVIII–XIX вв. и вызвала оживленную полемику (Лиштенан, 2002). Показательна также критика Массоном Вольтера, который, по мнению автора «Секретных мемуаров», «хотел говорить вещи скорее полезные, чем правдивые» (Masson, 1804: 100). «...Как будто ложь когда-нибудь может быть полезной», — заключает он (Masson, 1804: 100). Иллюстрацией неправоты Вольтера стало, по мысли Массона, то, что тот затушевывал в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» эпизод убийства царевича (Masson, 1804: 100–101). «Если у вас недостает смелости говорить правду, почему бы вам не отложить в сторону перо историка?» (Masson, 1804: 101).

Но где грань между правдивостью и критиканством? И почему «правда» Коцебу о России заслуживает осуждения, а «правда» Массона — доверия читателей? Почему о «преступлениях» Французской революции следует забыть, а «преступления» российской императрицы и политической элиты смаковать? Вряд ли убедительным объяснением может стать следующий пассаж Массона: «Было бы слишком опасно для высших интересов человечества беспрестанно муссировать преступления революции и забыть тех, кто совершил и навсегда оправдал ее в глазах и простых людей, и мудрецов» (Masson, 1804: VII). Здесь обнаруживаем все тот же просветительский универсализм с его слепой верой в то, что ценности Запада (в данном случае — Французской революции) универсальны и что прогресс для других народов состоит в приближении к этим нормам и ценностям. «Правдивость» отождествляется с одной, «просвещенной» точкой зрения на события.

Правда, необходимо отметить, что в массоновской трактовке «правдивости» появляется новый момент, не свойственный классической историографии, момент, который впоследствии окажет существенное влияние, например, на Кюстина и вообще на развитие жанра путевых заметок. Речь идет о сближении «правдивости» с «документальностью», «достоверностью», опорой на личные впе-

чатления. Массон подчеркивает в предисловии: «Я пишу только о том, что видел, слышал, чувствовал и испытал я сам, и если правда имеет неподражаемый характер, я осмеливаюсь полагать, что ее обнаружат в моем произведении» (Masson, 1804: XXVII). Дух новой, постреволюционной эпохи, высвободившей человеческую субъективность, ростки романтического культа «я» ощутимы в этой декларации Массона.

В контексте зарождающегося романтического интереса к экзотике, национальному своеобразию можно трактовать и такой характерный впоследствии для романтической литературы и историографии прием создания местного колорита, как использование в тексте слов на «экзотическом» языке. Так, например, Массон вставляет в свое повествование, правда с ошибками, слова «balaleika» вместо «balalayka» и «lapki» вместо «lapti» (Masson, 1804: 178), а повествуя о вороватости русских, приводит даже целую фразу на русском языке, которую, как сообщает автор французскому читателю, обычно произносит пойманный на воровстве: «Winawat, Gospodin! Winawat!» (Masson, 1804: 174).

Тем не менее просветительская линия преобладает, она проявляется и в тяготении к жанрам психологического портрета и эссе, и в том, что история народа понимается еще в значительной степени как «история королей». Однако у Массона «история королей» предстает как рассказ о физических и нравственных недостатках великих политических деятелей, рассказ, замалчивающий их достижения и заслуги, уклоняющийся от определения их места в истории, потрафляющий до сужему любопытству читателя. Так, в случае с Екатериной Великой читатель узнает о ее многочисленных любовниках-фаворитах, а нелепые реформы Павла Первого оцениваются как результат его «безумного» сознания.

Массон, по существу, развенчивает вольтеровский миф о Екатерине II как образце просвещенного абсолютизма (Вульф, 2003: 303–322). Мемуарист отмечает ум, активность, щедрость, смелость, незлобивость императрицы, но для него Екатерина не столько им-

ператрица, правившая обширной империей, сколько взбалмошная, одержимая страстями женщина. Массон оценивает российских самодержцев как истинный последователь просветителей: главным упреком становится несоответствие их страстей и поступков критериям Разума. «...Было бы слишком сурово вдруг зажечь над ней (над Екатериной. — А. О.) светильник Разума и судить ее в соответствии с его строгими принципами», — декларирует Массон (Masson, 1804: 85). Однако автор делает именно это. Он выделяет две главные страсти Екатерины — «любовь к мужчинам, выродившаяся в либертиаж, и любовь к славе, выродившаяся в тщеславие» (Masson, 1804: 82). Екатерина умна⁴, но не разумна. «Она жила в плену своего воображения...» («Elle vit alors s'eclipser les fantomes de son imagination...») — так объясняет Массон неприятие Екатериной французской революции (Masson, 1804: 88).

Важным принципом конструирования образа России у Массона оказывается фокусирование не только на правителях, но и на других представителях российской политической элиты (придворные, фавориты, полководцы и т. д.), причем в их портретах акцентируются физические и нравственные недостатки, смешные или отталкивающие черты характера, интриги, «преступления», подробности интимной жизни, человеческие слабости. Одновременно затушевываются их роль в общественно-политической жизни страны, их заслуги перед государством.

В структуре массоновского нарратива важное место занимает исторический анекдот, использующийся в качестве иллюстрации русского «варварства», произвола и беззакония. Так, Массон помещает анекдот о том, как один из министров, князь Белосельский, попал в немилость к императрице Екатерине Великой и был отправлен в Турин за то, что посмел обнаружить в своих донесениях литературный талант и ум, писал трагедии и оды, в которых восславлял великих деятелей России, покровительствовал искусствам (Masson, 1804: 97–98). Или анекдот о г-же Ликаровой, которая провинилась лишь тем, что,

живя в деревне, не знала о новом указе Павла I, предписывавшем при встрече с императором выходить из экипажа. Отправившись в столицу за врачом для захворавшего супруга, г-жа Ликарова промчалась мимо императора, совершавшего прогулку верхом. По приказу разгневанного Павла нарушительница была арестована и помещена под арест на четверо суток. От волнения за судьбу оставшегося без медицинской помощи супруга она сошла с ума, а вскоре скончался и ее муж, так и не увидевший супруги, и т. д.

Во второй части массоновских «Секретных мемуаров» описание России дополняется эссеистическими размышлениями автора об особенностях русского национального характера, государственного управления, описанием некоторых важных институтов и учреждений (главы «Религия», «Образование», «Финансы», «Кзаки», «Женократия» и др.). Правда, Массону не удается добиться единства повествования, в том смысле, что он не видит взаимосвязи между всеми этими явлениями, не воссоздает то культурно-историческое единство, которое романтики назовут «эпохой», «духом времени».

В эссе «Национальный характер» («Caractère national») Массон затрагивает ставшую общим местом западноевропейского дискурса о России еще в XVI–XVII вв. (в записках Жака Маржерета, Сигизмунда фон Герберштейна, Ричарда Ченслора, Адама Олеария и др.) и нашедшую свое продолжение в литературе Просвещения тему русское «варварства».

Вслед за Монтескьё, полагавшим, что русское варварство и деспотизм — следствие не естественных, климатических причин, а монголо-татарского ига и долговременного деспотического правления, Массон также считал, что века монголо-татарского ига и угнетения собственными царями наложили отпечаток на русский народ (Masson, 1804: 171). Приемственность Массона по отношению к традиции описания России, сложившейся в эпоху Просвещения, проявилась и в похвалах в адрес русских крестьян, представлявших собой «общее место французской лите-

ратуры о России, начиная с XVIII века» (Corbet, 1967: 141). Однако, если просветители полагали, что носителями варварства (или полуварварства) являются прежде всего простолюдины, не приобщенные к благам цивилизации, наукам и искусствам, а задача просвещенного монарха и его приближенных как раз и заключается в том, чтобы обеспечить подобное приобщение, Массон же, напротив, считал, что «недоцивилизованность» («полуварварство» — «semi-barbarie») — это состояние тех, кого было принято считать культурной частью русского общества, прежде всего придворных (Masson, 1804: 171), а русский простолюдин (и прежде всего крестьянин) не таков: он гостеприимен, услужлив, весел, верен и смел. Причем чем дальше от столицы, убежден Массон, тем он лучше, поскольку не испытывает развращающего влияния цивилизации.

Очевидно, что Массон рассматривает проблему русского национального характера сквозь призму руссоистской оппозиции природа/цивилизация, что приводит к противопоставлению народа как воплощения природного начала и правящей элиты, являющейся носителем пороков цивилизации. В предисловии к первому изданию мемуарист писал: «Я надеюсь вместе с тем сохранить справедливый баланс между той признательностью, которую я испытываю к русскому народу, и тем отвращением, которое внушают мне его правители...» (Masson, 1804: XXXII–XXXIII).

При всех различиях между русской элитой и угнетаемым ею народом, по мнению Массона, есть общие пороки, объединяющие всех русских. Это прежде всего пьянство и воровство. «В России воруют все — от премьер-министра до лакея и от генерала до солдата» (Masson, 1804: 175). Состояние общественной нравственности, невысокий уровень развития искусства трактуется Массоном вслед за просветителями как следствие деспотизма и рабства. «Русский человек поработан и трепещет перед своим господином: все лучшие качества его души вянут, а самые нежные чувства оскорблены» (Masson,

1804: 180). «Дух принуждения в России пагубно влияет на все искусства, которым подражают русские» (Masson, 1804: 180).

Эта последняя фраза Массона «перебрасывает мостик» к другой устойчивой теме западного дискурса о России — теме подражательности русских, которые, будучи молодой нацией, испытали на себе влияние других наций и «получили из-за границы искусства, науки, пороки и добродетели» (Masson, 1804: 170).

Как нам представляется, истоки подобной недооценки самобытности русской культуры в том взгляде на Россию, который утвердился на Западе под влиянием Ж. Ж. Руссо. Для Руссо Россия — результат странного, противоестественного, а потому неудачного эксперимента Петра Великого. В «Общественном договоре» (1762) Руссо писал: «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим поданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются. Так наставник-француз воспитывает своего питомца, чтобы тот блистал в детстве, а затем навсегда остался ничтожеством. Российская империя пожелает покорить Европу — и сама будет покорена» (Руссо, 1998: 90–91). Таким образом, Руссо полагал, что реформы Петра заглушили в русском народе тот голос природы, то естественное, самобытное, спонтанное и свободное, что есть в каждом человеке и в каждом народе, и, следовательно, обрекли на непрестанное подражание чужим образцам. Впоследствии о сильной подражательной способности русских писал, напри-

мер, аббат Шапп д'Отрош в своем «Путешествии в Сибирь» (1768).

Несмотря на то что Массон отмечает отдельные положительные свойства русских (гостеприимство, храбрость, выносливость), в целом его оценка русского национального характера, выраженная в словах «эта несчастная нация» (*"cette malheureuse nation"*) (Masson, 1804: 184), очень низка. Русские — рабы и варвары. Подобное состояние русского народа Массон объясняет формой правления и качеством российской элиты, на которую он возлагает ответственность за недостатки и пороки народа. Говоря о жестокости русских солдат в битвах при Очакове, Измаиле и т. д., Массон заключает: «Вообще-то было бы неправильно приписывать всей нации эту свирепость. Русский — раб: он следует тому импульсу, который получает от власти. Он таков, каким она хочет, чтобы он был» (Masson, 1804: 184), и чуть далее автор конкретизирует: «Русские стали такими свирепыми во время царствования Екатерины II <...>» (Masson, 1804: 184). Подобный взгляд на народ как объект, а не субъект истории, был характерен для культуры Просвещения и классической историографии. Впервые народ как субъект истории был осознан французской романтической историографией (прежде всего Огюстеном Тьерри) (Реизов, 1956: 85–86), с трудами которой Массон не мог быть знаком.

В итоге Массон помещает Россию в один ряд вместе с Древним Египтом, Древним Римом и Древней Грецией (Masson, 1804: 112–113), что задает семантику архаичности, отнесенности России к другой, несовременной эпохе, к другим, несовременным европейским государствам. Египтяне заставляли работать побежденные народы. Римляне использовали все народы, чтобы украсить Рим. «Россия — единственное государство, которое могло бы задумать и исполнить те удивительные сооружения, которыми мы восхищаемся в древности, так как люди здесь являются рабами и стоят не больше, чем связка лука, как в Египте» (Masson, 1804: 113).

Характерной чертой «литературы анекдотов» становится то, что довольно поверхностные суждения о России облекаются в отточенную, афористическую форму. Массону явно свойственна любовь к фразе. «В сущности, ничто не было таким ничтожным в последние годы правления Екатерины, как большие вельможи». Эта броскость фразы, игра антитезами лучше видна в оригинале: «*En général, rien n'a été si petit que les grands durant les dernières années du règne de Catherine <...>*» (Masson, 1804: 77–78).

Таким образом, Массон создает свой образ России, в значительной степени ориентируясь на «Анекдоты» К. Рюльера, традицию французской классической историографии XVII–XVIII вв., жанр нравственно-психологического портрета, используя некоторые мотивы руссоистского комплекса. Важнейшие составляющие массоновской модели описания России: поверхностность взгляда, основывающегося на старых принципах просветительского универсализма и убежденности в том, что Россия — курьез, не заслуживающий глубокого изучения в ее специфической инаковости и самобытности. Следствием просветительского универсализма является и доминантный характер массоновского дискурса о России, законом которого становится «оптика превосходства», взгляд на Россию свысока, убежденность в ее «недоцивилизованности», «варварстве», «рабстве». Екатерина Лямина, автор статьи о Массоне, изданной в Париже в сборнике «Три века франко-российских отношений» (2000), констатировала, что писания Массона о России «окрашены враждебностью, граничащей с садизмом» (Liamina, 2000: 74).

Массоновский прием (назовем его условно приемом «ложного панегирика») — есть такой тип повествования, когда хвала оборачивается хулой, а все достоинства Другого объясняются его недостатками, широко будет использован, например, А. де Кюстином в его книге «Россия в 1839 году».

В «Секретных мемуарах» Массона зарождаются романтические тенденции, про-

являющиеся в выходе за рамки традиционной «истории королей», интересе к проблеме национального характера, к сфере духовной жизни народа (религия, образование, воспитание и т. д.), социальной сфере и в робких пока еще попытках создания местного колорита. Однако Массон, конечно, не был крупным писателем и не обладал тем мощным воображением, той способностью к перевоплощению, которые согласно принципам романтической эстетики являются необходимыми условиями создания «couleur locale».

Тем не менее модель, созданная Массоном, оказалась продуктивной и имела своих последователей. К литературе анекдотов можно отнести книгу Сильвена Марешаля «Преступления российских императоров» (1802), где ее автор, которого французский исследователь Шарль Корбе называет «профессионалом скандалов» (Corbet, 1967: 56), эксплуатирует болезненное любопытство некоторой части читающей публики к патологии, сценам жестокости, эпизодам, демонстрирующим развращенность российских правителей. По оценке Корбе, книга Марешаля представляет собой «собрание сомнительных анекдотов, ошибок и бездоказательных утверждений» (Corbet, 1967: 56). В массоновских «Секретных мемуарах» нам видятся ростки той модели, истинным создателем которой в 1830–1840-х годах станет другой французский литератор, хорошо знакомый с книгой Ш.-Ф. Массона, Астольф де Кюстин. Отголоски массоновских оценок, образцы психологических портретов российских самодержцев и анекдотические сюжеты из «Секретных мемуаров» будут встречаться в романе «Записки учителя фехтования» (1840) и «Путевых впечатлениях. В России» (1865–1866) А. Дюма-отца и у других авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об образе России во французском общественном и литературном сознании эпохи Просвещения и о полемике между

Вольтером и Ж. Ж. Руссо по «русскому вопросу» см.: Lortholary, 1951.

² О жанре салонного портрета XVII в. см. подробнее: Трыков, 1999: 30–55.

³ Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (1761–1819) — немецкий литератор, состоявший на русской службе. В 1800 г. по подозрению в сочинении памфлета против императора Павла I был сослан в Сибирь. В 1801 г. возвращен в столицу и назначен директором петербургского немецкого театра, так как Павлу I понравилась его пьеса «Лейб-кучер Петра III» (1799), в которой рассказывалось об одном великодушном поступке его отца.

⁴ Массон утверждает: «...Все, кто знал ее близко, были очарованы обаянием ее ума» (Masson, 1804: 84).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вульф, А. (2003) Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение.

Лиштенан, Ф.-Д. (2002) Миф о России, или Философический взгляд на вещи // Пинакотекка. № 13–14. С. 36–41.

Реизов, Б. Г. (1956) Французская романтическая историография (1815–1830). Л. : Изд-во Ленинград. ун-та.

Руссо, Ж. Ж. (1998) Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М. : Канон-Пресс ; Кучково поле.

Трыков, В. П. (1999) Французский литературный портрет XIX века. М. : Флинта ; Наука.

Corbet, Ch. (1967) L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P. : Didier.

Liamina, E. (2000) Masson, un chanceux malheureux // Trois siècles de relations franco-russe. L'ours et le coq. Essais en l'honneur de Michel Cadot. P. : Presses de la Sorbonne nouvelle. P. 67–74.

Lortholary, A. (1951) Le mirage russe en France au XVIII siècle. P. : Ed. Contemporaines.

Masson, Ch.-F. (1804) Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul I: En 2 v. P. : Chez Levrault, Schoell et Co / Nouvelle edition.